

Вашингтон берёт в руки оружие газа и нефти

29-я Конференция ООН по климату (COP29), прошедшая в Баку (Азербайджан), прошла на фоне снижения поддержки лагеря экологов.

Встречу омрачила победа Дональда Трампа и его программы полного дерегулирования инвестиций в ископаемую энергетику. Значительно дистанцировались от “зелёной” политики и многие нефтяные и финансовые группы, которые ещё в недавнем прошлом использовали знак качества “чистой” энергии. Этот поворот подтвердил в Баку бывший заместитель главы Секретариата ООН по изменению климата Ричард Кинли, осудивший *«вероломство и лицемерие мировой индустрии ископаемого топлива, которая становится ещё более наглой».*

Маловероятные “зелёные” триллионы

Лицемерие характерно не только для нефтяников. Коалиция Alliance of CEO Climate Leaders, которая может похвастаться общим доходом в 4 трлн долл., 12 млн сотрудников и поддержкой – на бумаге – 700 финансовых учреждений, призывает мобилизовать 6 трлн долл. для финансирования “развивающихся” стран. Сами эти страны запрашивали примерно такую же сумму. “Развитые” страны, столкнувшиеся с гигантскими долгами, в прошлом году с трудом смогли завершить сбор 100 млрд долл. в виде климатической помощи.

117 боссов крупных групп, подписавших запрос альянса, хотят, чтобы правительства и финансисты поддерживали их производства путём субсидирования покупателей сырья, товаров и технологий. Они жалуются, что из более чем 700 представленных промышленных проектов даже 20 % не нашли финансирования. Промышленники предупреждают, что существует *«патовая ситуация между производителями и покупателями»:* последние не хотят приобретать товары и услуги без соответствующих субсидий. Марк Карни, бывший глава Банка Англии и финансовый руководитель “зелёной” экономики, сетует, что *«декарбонизация отраслей с высоким уровнем выбросов сдерживается неопределённостью относительно масштабов зелёного спроса».*

Цикл Греты

Восходящая фаза экологистского импульса, начавшаяся в 2015 году с Парижского соглашения, достигла своего пика между 2019 по 2021 годами, главным образом, благодаря инициативе Европы. В 2017 году Трамп вывел США из соглашения. В Европе сформировалось молодёжное движение за “спасение планеты”, получившее широкий отклик в СМИ и поддержку многих крупных европейских промышленных и финансовых групп, а также многих американских групп.

Настоящим же приводным ремнём европейского экологизма была необходимость перезапуска капиталистического цикла, который стагнировал уже десятилетие после мирового финансового кризиса, за счёт мобилизации огромных инвестиций (при поддержке правительств) в электрическую и цифровую модернизацию автотранспорта, в реструктуризацию производства электроэнергии с массовым использованием возобновляемых источников энергии и цифровизацию производственных и административных систем. “Капитал одевается в зелёное”, – прокомментировали мы в декабре 2019 года. После коллапса в трагический год пандемии процесс возобновился в следующем году, чему способствовало повторное вступление Соединённых Штатов в Парижское соглашение в 2021 году при президенте Джо Байдене. Конференция в Глазго (COP26), состоявшаяся в ноябре 2021 года, стала массовым парадом “зелёных миллиардеров”, раскаявшихся нефтяников и загрязнителей среды, а также банкиров, готовых финансировать декарбонизацию и внедрение нетрадиционных источников энергии.

Война и “зелёные” нефтяники

Война, развязанная Россией против Украины в феврале 2022 года, глубоко изменила ситуацию в мировом энергетическом секторе. Российские газопроводы почти полностью выведены из эксплуатации, и в газовую гонку включились Норвегия и Центральная Азия, а

также США со своим сжиженным газом. Три последующие конференции по климату были перенесены из империалистических метрополий в более экзотические столицы Большого Среднего Востока: египетский Шарм-эль-Шейх в 2022 году, Абу-Даби в ОАЭ в 2023-ем и Баку в этом году.

Независимо от намерений организаторов, эти конференции стали местом, где производители ископаемого топлива, производители “экологически чистой” энергии и их инвестиционные банки заключают хорошие контракты, обмениваясь технологиями и нефтедолларами. Лондонский Chatham House, комментируя бакинскую конференцию, предположил, что цель правительства Азербайджана – *«контролировать разговоры о глобальном энергетическом переходе, чтобы запасы нефти и газа страны могли оставаться финансово устойчивыми как можно дольше»*.

Война навязывает странам-потребителям энергии энергетический баланс, включающий ядерную и водородную энергию, диверсификацию источников и повышение энергоэффективности. Сроки декарбонизации остаются спорными, особенно в части автомобилизации и обновления жилищного фонда, где она затрагивает интересы широких социальных слоёв и представляющих их межклассовых партий.

Сланцевая лихорадка

Мировой энергетический ландшафт начал меняться ещё до войны. В США был принят новый метод добычи нефти и газа – фрекинг, т. е. гидроразрыв подземных пород, который впоследствии был интенсифицирован с помощью горизонтального бурения. Сланцевый газ и сланцевая нефть (или трудноизвлекаемая нефть) – это газ и нефть, добываемые из сланцев с помощью новой системы.

Введение новой производительной силы имело важные последствия. Во-первых, оно привело к переоценке запасов ископаемого топлива в недрах США. По оценкам BP, доказанные запасы природного газа в США выросли в период с 2000 по 2019 год с 4,8 до 12,6 трлн м³. Доказанные запасы нефти за тот же период увеличились с 30,4 до 69 млрд баррелей.

Во-вторых, Соединённые Штаты стали ведущей нефтегазовой державой. Объёмы нефтедобычи оцениваются двумя способами: в узком смысле (сырая нефть плюс конденсат) и в широком смысле (сырая нефть, конденсаты и сжиженный нефтяной природный газ). В обоих случаях доля США в общемировом объёме удвоилась. Добыча сырой нефти выросла с 7,3 до 15,6 % в период с 2010 по 2023 год. В широком смысле доля США увеличилась с 9,1 до 20,1 %. В 2014 году они сенсационно обогнали Россию и Саудовскую Аравию по добыче нефти. Что касается газа, включая сжиженный природный газ (СПГ), то доля американского продукта на мировом рынке выросла с 19,5 до 25,5 % в период с 2013 по 2023 год, оставив позади российский газ, который после вторжения России на Украину потерпел окончательное поражение (его доля составляет 14,4 %). Первым европейским ответом на развязывание Штатами энергетической гонки стало заключение в 2015 году соглашения с “Газпромом” о строительстве газопровода “Северный поток – 2”, а в конце того же года – Парижское соглашение по климату.

В-третьих, Америка превратилась из крупного импортёра в крупного экспортёра энергоносителей. До 2016 года экспорт американского СПГ был незначительным. В 2023 году его объём достиг 114,4 млрд м³ (21 % мирового экспорта СПГ), превзойдя двух крупнейших конкурирующих экспортёров (Катар и Австралию). В 2022 году американский газ раскрыл свой потенциал в качестве стратегического оружия, заменив российский, подвергшийся остракизму после агрессии Москвы. Европа вдвое сократила импорт трубопроводного газа, а Россия вдвое снизила его экспорт. Это взаимное урезание торговли вдвое становится частью истории газа как оружия войны.

Переход через 25 или 100 лет?

Дэниел Ергин ещё в 2014 году подсчитал, что американский сланцевый газ, оказавшийся на две трети дешевле европейского и на четыре пятых дешевле азиатского, увеличил конкурентоспособность США по отношению к Европе и Китаю. Сегодня, по оценкам Марио Драги, европейские цены в 4–5 раз выше американских. Если это правда, то энергетический аспект европейской конкурентоспособности за 10 лет стал ещё слабее, и не исключено, что

этому способствуют цены на американский СПГ, который стоит дороже российского. Недавно Ергин заявил, что самым большим просчётом Владимира Путина в его украинской авантюре была недооценка роли сланцевого газа как геополитического стабилизирующего фактора. Он повысил устойчивость европейской коалиции против России. Добравшись до Европы, СПГ предотвратил резкий рост цен перед лицом двух продолжающихся войн (на Украине и на Среднем Востоке), который произошёл во время Войны Судного дня 1973 года. Энергетическая безопасность, предлагаемая европейцам, также может заинтересовать и тихоокеанских союзников США – Японию и Южную Корею. Можно спорить о том, является ли та энергетическая безопасность, которую предлагают Штаты, действительно надёжным решением проблем, или обернётся скорее новой зависимостью для Европы. В качестве своей альтернативы глобальной энергетической безопасности ЕС выбрал возобновляемые источники энергии, которые должны вывести его из эпохи ископаемого топлива. Понятно, что против этого будет возражать Вашингтон – крупнейший в мире производитель и экспортёр ископаемого топлива. Ергин скептически относился к возможности обеспечить затраты на энергетику в мировой экономике в 100 трлн долл. за 25 лет (к 2050 году), в то время как другие энергетические переходы заняли столетия или даже тысячелетия.

Зависимости, взаимозависимость, суверенитет

Там, где в Европе к этой теме подходят системно, как в докладе Драги, реконверсия энергетического сектора становится одним из инструментов по достижению стратегической автономии, необходимостью, вытекающей из опыта по крайней мере полувекowych битв за энергию, а не из климатических угроз. В нашем анализе *«тройная зависимость»* Германии и Европы, возникшая в результате украинской войны, то есть зависимость в области безопасности от США, в области энергетики от России и в области торговли от Китая, была выражением *«сети союзов и квазисоюзов»* с европейскими партнёрами и другими великими державами империалистической системы.

Ответами на эту *«тройную зависимость»* должны стать *«три области вмешательства [...] с целью возобновить рост»*, указанные в докладе Драги, и в *«три трансформации для будущего Европы»*. Драги указывает на необходимость *«преодолеть разрыв с Соединёнными Штатами и Китаем в инновационных сферах»*; на необходимость начать декарбонизацию экономики при условии, что она должна быть совместима с обеспечением конкурентоспособности; наконец, на необходимость *«повышения безопасности и уменьшения зависимостей»*. Драги поясняет, что эти *«зависимости»* на самом деле являются результатом *«десятилетий глобализации, [которая] привела к высокому уровню «стратегической взаимозависимости» между основными экономиками»*.

“Зелёная” Европа и бурящая Америка

Международное энергетическое агентство (МЭА) публикует некоторые данные об инвестициях в реструктуризацию электроэнергетики, ища поводы для оптимизма. По оценке МЭА, в 2023 году глобальные инвестиции в энергетические технологии и инфраструктуру достигли 3 трлн долл., и примерно 2/3 этого капитала будет использовано в “экологически чистой” энергетике, в то время как в ископаемую энергетику будет инвестирована лишь треть. Определение МЭА “чистой” энергии является широким и включает возобновляемые источники энергии, ядерную энергию, ископаемое топливо, обработанное системами декарбонизации, водород, аммиак, аккумуляторы, электрические сети. В 2024 году Китай станет крупнейшим инвестором в чистую энергетику с 680 млрд долл., за ним последует ЕС с 370 млрд долл. и США с 300 млрд долл. Соотношение инвестиций в “чистую” и ископаемую энергетику в трёх державах следующее: в Европе 10 к 1, в США 1,4 к 1, в Китае 3,2 к 1. Судя по этим данным, Европа движется быстрыми темпами, но по абсолютному объёму инвестиций всё же отстаёт от Китая. В Соединённых Штатах объёмы инвестиций по обоим направлениям идут рука об руку, и администрация Трампа, имеющая крепкие связи с компаниями-добытчиками сланцевой нефти, попытается придать бурению новый импульс.

Реструктуризация электроэнергетики может замедлиться, но электрическая автомобилизация в Европе должна будет продолжаться, иначе разрыв с Китаем станет

непреодолимым. Вместо этого вероятно ускорение цифровой реструктуризации, связанное с инвестициями в искусственный интеллект и ростом расходов на вооружение.

Ноябрь 2024 г.